

Зинченко Ирина Сергеевна

ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена проблеме подлинности творческой деятельности. Раскрыты особенности современной творческой деятельности: глобализация, конструктивизм, субстанциальность субъекта творчества, проективный характер творческого процесса. Проанализированы атрибуты субъекта творчества, творческого результата и самого творческого процесса. Выявлены критерии подлинного творчества в современной культуре: духовность и созидательность. Показана специфика применения этих критериев в современном художественном и научном творчестве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. II. С. 78-84. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. П-21. Оп. 5.
2. ГАМО. Ф. Р-137. Оп. 1.
3. ГАМО. Ф. Р-137. Оп. 16.
4. История советского рабочего класса: в 6-ти т. М.: Наука, 1988. Т. 5. Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества. 1961-1970. 432 с.
5. Карауш С. А., Герасимова О. О. История охраны труда в России [Электронный ресурс]. URL: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/articles/146347/ (дата обращения: 27.09.2012).
6. Петров И. Борьба с пылью на горных работах // Колыма. 1958. № 2.
7. Zelyak V. G. Labor and Health Safety of Dal'stroy Workers in 1950s // Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 1st International Academic Conference (October 27-28). St. Louis, 2012. Vol. 1. 426 p.

**LABOUR SAFETY AT MINING ENTERPRISES
OF MAGADAN ECONOMIC COUNCIL (1957-1962)**

Zelyak Vitalii Grigor'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
North East State University in Magadan
zelyak75@mail.ru

The author considers the development of labour safety at the mining enterprises of Magadan economic council by specific-historical material for the first time in historiography, pays special attention to the analysis of work against traumatism and occupational diseases, and also researches the main problems, which were encountered during the process of the transition of labour safety at mines and placers of Kolyma and Chukotka to a higher qualitative level.

Key words and phrases: Magadan economic council; Magadan region; gold mining; labour safety; traumatism; occupational diseases; silicosis.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена проблеме подлинности творческой деятельности. Раскрыты особенности современной творческой деятельности: глобализация, конструктивизм, субстанциальность субъекта творчества, проективный характер творческого процесса. Проанализированы атрибуты субъекта творчества, творческого результата и самого творческого процесса. Выявлены критерии подлинного творчества в современной культуре: духовность и созидательность. Показана специфика применения этих критериев в современном художественном и научном творчестве.

Ключевые слова и фразы: творческая деятельность; критерии подлинности творческой деятельности; духовность; созидательность; глобализация; конструктивизм; субстанциальность субъекта творчества; проективный характер творческого процесса.

Зинченко Ирина Сергеевна

Санкт-Петербургский университет экономики и финансов
irizy@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ[©]**

Философия, занимаясь смыслообразующими проблемами человеческого бытия, никогда не упускала из поля зрения осмысление творческой деятельности человека. Одной из важнейших составляющих в процессе исследования человеческого творчества является проблема его подлинности, разработка которой обусловлена философско-антропологической и конкретно-исторической потребностями. Способность к творческой деятельности заложена в самой природе *Homo sapiens*, в его био-психо-социальных свойствах. На протяжении всей истории своего существования человек не просто адаптируется к окружающей среде, он неизбежно ее преобразует в соответствии со своими потребностями.

Атрибутивные свойства человека – сознание и высшая его квинтэссенция – разум, а также воля укореняют в саму природу человека способность к творчеству: «Творчество – органичная принадлежность такого существа, как человек. Сознание, которым обладает человек, является фундаментально творческим, – и не только потому, что оно имеет такое свойство, а потому что оно не может в самой своей основе быть никаким иным: грубо говоря, если это сознание, то непременно творческое, даже и у идиота (вне творчества вообще нет сознания, даже и идиотски бессознательного). Если человек, если сознание, если разум, если

слово, если язык, если думание, если образ, если символ, если знак, если воображение, если... если... все, что угодно человеческое и только человеческое, то и непременно творчество. Человек – творец! Ему мало быть в мире, он должен и может творить в мире, мало того, он может и должен творить мир...» [13, с. 269-273].

Культурный опыт человечества показывает, что, будучи деятелем и творцом, человек исследует природу той деятельности, которую он способен осуществлять. Генетически в нем заложена потребность в осмыслении своего творчества, в стремлении понять – чем отличается оно от репродуктивной деятельности. Наличие данной потребности обуславливает тот факт, что, даже не подвергаясь специальной разработке, проблема подлинности творческой деятельности присутствовала потенциально у тех мыслителей, которые исследовали природу и сущность творчества в контексте традиционной культуры.

В целом исторический анализ западноевропейской философской мысли показывает, что в период доиндустриального общества проблема подлинности творческой деятельности не была явно поставленной. Необходимость ее осознанной разработки становится очевидной под влиянием последствий промышленного переворота рубежа XVIII-XIX вв., в результате которого «взаимодействие человека с природой было опосредовано тремя мощными искусственными элементами: мощная система орудий труда, мощные искусственные источники энергии и мощная система искусственного интеллекта (Интернет)» [11, с. 129], что существенно изменило место человека в мире. Масштабы и возможности творческой деятельности человека возросли настолько, что стали сопоставимы с силой природных стихий, а использование ее результатов зачастую оборачивается разрушительными последствиями для окружающей природы и самого человека: «Цивилизация развила огромные технические силы, которые по замыслу должны уготовить царство человека над природой. Но технические силы цивилизации властвуют над самим человеком, делают его рабом, убивают его душу... Человек бессилен уже справиться с теми техническими силами, которые он высвободил и которым дал ход» [2, с. 358]. Глобализация творческой деятельности человека ставит перед субъектом-творцом проблему ответственности, игнорирование которой может привести к катастрофическим последствиям, когда человечество, «играя» своей технологической и интеллектуальной мощью, может самоуничтожиться. Сложившаяся ситуация вызвала к жизни конкретно-историческую потребность осмысления критериев, отличающих подлинное творчество от неподлинного, что нашло отражение в трудах многих философов XIX и XX вв.

Будучи актуализирована последствиями промышленного переворота, постановка данной проблемы в западноевропейской философии стала очевидной в постмодернистских концепциях Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и Ф. Гваттари как проблема симулякра. Термин «симулакрум» (лат. *simulakre* – притворяться) встречается в латинских переводах диалогов Платона и обозначает копию копии, призрак, отражение, не имеющее оригинала. Согласно концепции Ж. Бодрийяра, симулякры – условные знаки, функционирующие в обществе вместо реальных вещей. Выделив три порядка симулякров и соответственно три этапа их становления, Бодрийяр указывает на самое опасное в них – это потеря различия между реальностью и симуляцией. Симулякры первого порядка – подделки – соотносятся с оригиналом и действуют на основе естественного закона ценности; для симулякров второго порядка проблема уникальности и единичности уже не стоит, здесь главное – это серийность, эквивалентность, неотличимость; третий порядок симулякров – симуляция – искусственная, т.е. не имеющая референта, знаковая реальность, которая (в отличие от первых двух) не соизмерима ни с чем, так как не имеет прообраза. С точки зрения мыслителя, творческая деятельность человека в современном мире невозможна. Такая ситуация сложилась в связи с тем, что в каждой из ее структурных составляющих утрачены критерии, отличающие творчество от «вечного воспроизводства» [4, с. 11]. Человек как субъект творчества исчерпал себя во всех сферах деятельности, утратил прежние идеалы, ценности, жизненные смыслы; предметы и явления объективной и субъективной реальности, призванные быть прообразами творческой деятельности, заменены на знаки; результат деятельности лишен творческого прироста и представляет собой комбинирование и переработку уже существующего; из творческого процесса исчезли моменты невозвратимости и уникальности.

Жиль Делез, так же как и Бодрийяр, считал, что современный мир – это мир симулякров. В основе рассуждений мыслителя лежит утверждение, что в современном мире соответствие модель – копия бессмысленно, так как в бездне симулякров теряются сами понятия и модели, и соответствия. Тем не менее в трактовке Делеза перспективы существования творческой деятельности человека не так пессимистичны, как у Бодрийяра. Делез не сводит деятельность человека только к симуляции, право на существование он оставляет и за творчеством: «... в науке, равно как и в философии или в искусствах, присутствует и творчество... в научных системах существуют личностные “стили” – и не как внешняя черта, а... как один из параметров их создания, при этом даже соприкасаясь с некоторым опытом переживаний. Координаты, функции и уравнения, законы, явления или эффекты остаются связанными с личным именем ученого, так же как болезнь обозначается именем медика, сумевшего выделить и сгруппировать или перегруппировать ее переменные – симптомы. Умение видеть – видеть, что происходит, – всегда было важнее всего» [8, с. 163]. Критерием, отличающим творческую деятельность ученого от симуляции, выступает его способность в качестве «частичного наблюдателя» добывать и высказывать информацию о восприятиях и переживаниях, которые «принадлежат не человеку... а самим видам, которые он изучает» [Там же, с. 166]. В художественном творчестве критерием выступает умение художника создать такое произведение, которое представляет собой «существо-ощущение» [Там же, с. 207], составное целое аффектов, которое существует само в себе, используя при этом не личный опыт, воспоминания, фантазию, а разнообразный материал: звуки, слова, цвета.

Проблема подлинности творческой деятельности в русской философии начала разрабатываться уже с XIX века. Это связано с исторической молодостью русского духа, о которой говорили многие исследователи.

В. Ф. Одоевский писал в романе «Русские ночи»: «Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы; пред нами разыгрывается ее странная, таинственная драма, которой разгадка, может быть, таится в глубине русского духа» [12, с. 202]. Представители русской философской мысли XIX–XX вв. за относительно небольшой с точки зрения истории период времени не только продуктивно восприняли основные истины, раскрывающие сущность творчества, наработанные в течение многих столетий европейскими мыслителями, но и самостоятельно разработали многие вопросы, касающиеся творческой деятельности человека, в частности проблему ее подлинности. Дилемма подлинного и неподлинного творчества на основе определенных критериев нашла отражение в трудах А. И. Галича, В. Ф. Одоевского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева. А. И. Галич, укореняя способность к творчеству в природу человека, классифицирует виды творческой деятельности: деятельность, основанная на потребностях чувственного познания и воображения; деятельность, руководимая в своих стремлениях смыслом, и идеальная деятельность. Основываясь на двух критериях: степень свободы духа и степень удовлетворения собственно человеческих потребностей, включая потребность внутреннего стремления жизни творить из самой себя, первый из выделенных видов мыслитель называет чувственным подражанием с элементами творчества, второй – несовершенным творчеством, третий – совершенным творчеством. В. Ф. Одоевский трактует творчество как акт духовной деятельности, позволяющий соединять в любой пропорции элементы, составляющие организм человека. Понимая под организмом «несколько начал, или стихий, действующих с определенной целью» [Там же, с. 238], он выделяет четыре основных общечеловеческих элемента, именуемые им «потребностию истины, любви, благоговения и силы, или власти» [Там же, с. 240]. Условием подлинности творчества выступает «полнота жизни» [Там же, с. 243], выражающаяся в равновесии между вышеперечисленными стихиями, в гармоничном удовлетворении общечеловеческих духовных потребностей. Необходимо отметить, что в концепциях этих мыслителей критерии подлинного и неподлинного творчества заложены имплицитно. При этом А. И. Галич оперирует таким понятием, как «совершенство творческих сил» [7, с. 480]. В произведениях В. Ф. Одоевского не встречается прямых определений подлинного и неподлинного творчества. Ставя проблему утраты творческого дара на примере жизни великих художников, он раскрывает причины того, почему деятельность, которую по сущностным признакам можно отнести к творческой, на самом деле перестает быть таковой.

С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев в своих трудах дают определения подлинного и неподлинного творчества и формулируют критерии их отличия. С. Н. Булгаков в качестве критерия подлинного творчества рассматривает способность создавать метафизически новое, которой обладает только Бог. Согласно этому критерию, мыслитель разделяет «творчество в собственном смысле» [6, с. 178] – божественное и «творчество-воссозидание» [Там же, с. 180] из уже имеющихся элементов – человеческое. Человеческая деятельность тем не менее может быть творческой и нетворческой. В качестве критерия выступает осуществляющаяся в труде свобода творческого замысла и выбора средств исполнения. Н. А. Бердяев подлинное творчество называет реалистичным, а неподлинное – символическим. Первое может быть достигнуто только в сотворчестве человека и Бога – теургии и заключается в творении нового бытия, новой жизни, второе представляет собой создание ценностей культуры, т.е. лишь символов, знаков реального преобразования.

Актуальность задачи выявления критериев, отличающих подлинное творчество от его суррогата, усиливается в период второй половины XX – начала XXI в. Это обусловлено такими особенностями современной творческой деятельности, как конструктивизм, субстанциальность субъекта творчества, проективный характер творческого процесса.

Принципы функциональности, полезности, рациональности, лежащие в основе конструктивного жизнеустройства, активно используются современным человеком в его творческой деятельности. Главная угроза такого подхода состоит в утрате духовности и игнорировании проблемы смысла. Создавая новые технологии, зачастую в погоне за сиюминутной поверхностной пользой, современный субъект-творец считает, что он искусственно может сочетать и создавать все, что ему угодно. Складывается ситуация, когда вместо того, чтобы преобразовать и дополнять естественное, искусственное отрицает и полностью подменяет его. Таким образом, противоречие между естественным и искусственным в творческом процессе разрешается в пользу абсолютизации искусственного, что может привести к губительным для человека последствиям. Например, сторонники доктрины трансгуманизма констатируют: возможности человека расширяются во многих направлениях – от способности управлять своими эмоциями и работой мозга до разработки протезов для нужд инвалидов, «которые в перспективе могут работать лучше первоначального образца» [14, с. 26]. Безусловно, многие разработки очень важны для человека, но в результате подобной замены естественных свойств и органов человека искусственно созданными элементами целерациональной направленности возникает перспектива превращения его в биоробота.

Идея субстанциальности человека, зародившись в русском космизме XX века, становится все более и более актуальной в веке XXI. Приобретая субстанциальный статус, современный субъект-творец становится субъектом космической эволюции, который может «создавать новые материальные объекты и формы их взаимодействия, изменяя структуру пространства-времени» [16, с. 33]. В современной высокосекуляризированной культуре и в условиях глобализации человеческой деятельности, приобретающей космическую функцию, человек предстает как полноценный субъект творчества, а не как подражатель.

Перспектива подобного качественного изменения творческих возможностей человека разрабатывается представителями русского космизма, содержание которого «раскрывает то, что объективно человек по своей

природе и сущности предназначен быть сотворцом своего Небесного Отца, но реализует он свою созидательную миссию или же использует свои творческие возможности во зло, саморазрушая себя, зависит от самого человека, от каждого из нас» [11, с. 287]. Таким образом, достижение уровня сотворчества с Богом хоть и предзадано человеку, но не гарантировано, так как злоупотребление им свободой воли привело к диспропорции в соотношении материального и духовного в жизни общества, естественного и искусственного. Эта диспропорция, превращающаяся в последнее время в глубинную пропасть между научно-технологическим, потребительским, с одной стороны, и нравственным бытием человека, уровнем его духовности – с другой, грозит привести к тому, что человек возомнит себя Богом, для которого Вселенная станет лишь средством конструктивистской деятельности.

Проективный характер современного творчества сводится к попытке алгоритмизировать, спланировать творческий процесс. Сегодня творчество во всех основных формах (науке, технике, экономике, искусстве) – это реализация проектов. Философы и культурологи предупреждают об опасности «алгебраизации» творческого процесса, особенно в сфере искусства. В. А. Кутырев пишет: «...если научное отношение к миру перерастает в техническое и технологическое довольно плавно... то художественное оказывает сопротивление... На протяжении веков творчество отождествлялось с искусством, поэзией, вдохновением... Или вдохновение, творчество, или расчет, алгоритмы...» [10, с. 72-81]. Стремительное наращивание рационально-материальной составляющей творческих проектов в ущерб вдохновению, интуиции, чувству приводит к тому, что «не искусство, а искусственное – продукт современного творчества» [Там же]. Не меньшую опасность представляет собой и озабоченность информационной емкостью проектов. В сфере современного искусства информационная среда зачастую формирует содержание творческих проектов: «Зритель большей частью реагирует на информационное сопровождение, на его масштаб и длительность. Так, в зрительском представлении, чем больше резонанс в СМИ по поводу художественного события, тем значительнее оно... В итоге в большинстве случаев проблемы содержания связаны с борьбой современного... искусства за информационную нишу, где, согласно потребительскому стилю, важнее быть первым, чем лучшим» [5, с. 28-31].

Вышеозначенные тенденции развития проективности в творчестве свидетельствуют о том, что отношение к творческой деятельности как к четко организованному техническому проекту вследствие вытеснения чувственного рациональным, естественного – искусственным, формой – содержания таит в себе угрозу выхолащивания самой сути творчества. Рефлексия подлинности творческой деятельности востребует анализа ее структурных составляющих и выявления их атрибутов. Понимание творчества человека как свободной деятельности, в процессе которой он создает новое, не бывшее ранее, вкладывая в эту новизну душу, воплощая в ней свой образ видения себя и окружающего мира, подразумевает наличие субъекта-творца, объекта творчества, творческого результата и самого творческого процесса.

Человек как субъект творчества представляет собой активное самодеятельное начало, обладающее следующими атрибутами: вдохновением, талантом, свободой, духовностью, трудолюбием.

В качестве объекта творчества «может быть любой, сколь угодно большой или сколь угодно малый фрагмент действительности (как объективной, так и субъективной)» [9, с. 187], включенный в диапазон человеческой деятельности, взаимодействующий с субъектом творчества. Итогом взаимодействия субъекта и объекта творческой деятельности является продукт творчества или результат.

Вдохновение – это особое состояние, характеризующееся творческим подъемом, приливом творческих сил, полной погруженностью человека в то, что он делает. Новое, неповторимое, оригинальное, уникальное создается человеком в состоянии особой внутренней энергии, даруемой человеку вдохновением. Эта истина подтверждается культурным опытом человечества.

Под талантом, как правило, понимают определенные способности человека, раскрывающиеся в процессе его жизнедеятельности. Талант как природная природой специфическая способность или как божественное дарование потенциально заложен в каждом человеке. Согласно библейской притче, талант можно как зарыть в землю, разменять на мелочи, так и приумножить, для чего требуется трудолюбие. При этом талант – не синоним мастерства, которому можно научиться. Будучи обязательным спутником таланта, труд не гарантирует истинно творческих свершений. Пример тому – великий мастер Страдивари и его ученики, которые создавали добротные скрипки, но не смогли превзойти своего учителя, так как не обладали тем великим даром, которым обладал он.

Духовность – это единение человека с самим собой, другими людьми и Вселенной в целом [11]. Единение с самим собой раскрывается в уникальности человека, которая заключается в том, что он одновременно существо природное – душевно-телесное и сверхприродное – духовное: «Один и тот же человек и духовный, и природный человек. Духовный мир раскрывается в душевном, природном человеке как особая его качественность... Духовное не должно уходить от душевного и телесного, оно должно одухотворять и просветлять его» [3, с. 28]. Единение с другими людьми заключается в способности сопереживания им. Единение со Вселенной выражается в том, что человек чувствует свою сопричастность стихиям и силам природы и космоса.

Свобода субъекта творчества – это его способность и возможность, пребывая в состоянии вдохновения, используя свои таланты, создавать новое, воплощая в творческом продукте свой образ и свое видение мира. Свобода раскрывается как целостное единство внешней свободы, заключающейся в возможности субъекта-творца действовать в соответствии со своими интересами на основе познанной необходимости и внутренней свободы, понимаемой как его способность действовать в соответствии со своими потребностями на основе развитой духовности [11]. Развитая внешняя среда и развитый интеллект являются условием свободы для

творческой деятельности человека, но свободы внешней. Человек, который не развит духовно, т.е. не осознает себя частью природы, общества, Вселенной в целом, даже если он высокообразован и располагает благоприятными для творческой реализации условиями внешней среды, может своей деятельностью разрушить не только окружающую, но и свою собственную природу. Осуществление творческой деятельности зависит, прежде всего, от человека, от того, насколько высок уровень его интеллекта и развита его духовность, которые и являются условиями его внутренней свободы. Для реализации творческой свободы как целостного феномена необходимым условием является наличие внешней свободы, а достаточным – внутренней. Развитая внешняя среда выступает необходимым, а развитый интеллект – достаточным условием внешней свободы. Необходимым условием внутренней свободы является развитый интеллект, а достаточным – развитая духовность [Там же]. Соотношение необходимого и достаточного условий существования какого-либо явления таково, что при отсутствии необходимого сам феномен уже может существовать, хотя и неполноценно реализованным. История знает немало примеров осуществления творчества в условиях внешней несвободы – мыслители создавали произведения, находясь в ссылке или тюрьме. Кроме того, творческая деятельность может осуществляться при отсутствии внешних благоприятных условий, например деятельность предприятий малого бизнеса в невыгодных экономических и юридических условиях.

Актуальное воплощение таланта зависит, прежде всего, от внутренней свободы субъекта творческой деятельности, ядром которой выступает развитая духовность. Следовательно, сущность субъекта творчества может заключаться во внутренней свободе, так как без этого не может актуализироваться талант и родиться вдохновение.

Творчество – это всегда новизна. В противовес репродуктивной деятельности, суть которой в воспроизводстве определенных действий по заранее установленному алгоритму, творческая деятельность всегда порождает новое, не бывшее ранее.

Социально-значимая ценность как атрибут результата творческой деятельности неразрывно связана с социальной сущностью человека. Вне общества невозможно его развитие, становление, творческая реализация. Все творческие свершения, так или иначе, влияют на социум. Продукты человеческого творчества всегда обладают ценностью как факторы осуществления культуры. Каждое новое поколение не просто использует и сохраняет то, что было создано поколением предшествующим, но и творчески – активно преобразует и совершенствует культурное наследие.

Сущность результата творчества – в его новизне и социально-значимой ценности.

Проблема фаз или этапов творческого процесса является одной из ключевых на протяжении всей истории изучения творчества. В культурологическом пространстве существует множество их классификаций. А. Пуанкаре выделил следующие основные этапы творческого процесса: этап сознательной работы (подготовительный), на протяжении которого происходит усиленная работа над решением поставленной задачи, но результат зачастую не достигается; период, в течение которого происходит бессознательная работа; этап озарения, когда внезапно приходит нужное решение; заключительный этап – проверка результата [15]. Наличие вышеперечисленных этапов показывает, что творческий процесс включает в себе рациональную и иррациональную стороны. При этом следует подчеркнуть, что если рациональное раскрывается как интеллектуальное, логическое, нормативное, то иррациональное существует в двух основных формах: «1) как дорациональное или стихийно-хаотичное, не оформленное логосом; 2) сверхрациональное как мистическое, данное в откровении» [11, с. 190].

Природа творческой деятельности включает в себе объективную и субъективную, рациональную и иррациональную стороны, но сущность ее определяется такими атрибутами, как субъективность и иррациональность. Субъективность подразумевает наличие личности творца, его творческий потенциал, включающий в себя систему рассмотренных выше атрибутивных свойств субъекта творчества как «меру преобразующей сущности человека» [1, с. 10-13]. Субъективность также заключается в новизне результата творческой деятельности, который воплощает образ автора. Иррациональность творчества – это принципиальная невозможность алгоритмизировать данный вид деятельности: можно научить мастерству, но нельзя прописать инструкцию творческого процесса.

Системный анализ атрибутов структурных составляющих творческой деятельности – субъекта-творца, ее результата и самого творческого процесса, а также рассмотрение ее особенностей в современной культуре позволяет выделить критерии подлинного творчества – духовность и созидательность.

Сущность этих критериев инвариантна для различных видов творчества – художественного, научного, технического, хозяйственного и т.п., но проявление ее может меняться, что обусловлено спецификой каждого элемента культуры.

Развитая духовность в художественном творчестве раскрывается как творческий порыв, в процессе которого истинный художник, создавая произведение, вкладывает в него душу, воплощает в нем художественный образ, отражающий авторское видение мира. Именно такие произведения находят отклик в душах тех, кто их воспринимает, доказывая тем самым свою подлинность. Развитая духовность является ядром внутренней свободы художника, которая раскрывается в том, что истинного творца не остановят никакие внешние запреты: писатель напишет свой роман, даже если его идеи противоречат царящей в обществе идеологии, художник будет писать в своей манере, даже если его работы не будут востребованы современниками. В научном творчестве развитая духовность заключается в том, что ученый способен на озарение, которое открывает ему некую самоочевидную истину, в дальнейшем разворачиваемую интеллектуальным талантом ученого в доказанную теорию. Внутренняя свобода современного ученого раскрывается в его способности найти в себе силы и мужество отказаться от

дальнейшего продвижения тех научных разработок, которые ведут к губительным для всего человечества последствиям, и не нарушать запреты на ведение исследований в тех областях, где действует мораторий, даже если при этом ученый не преследует корыстный интерес, а увлечен исследовательским процессом.

Результат творческой деятельности в науке и искусстве также имеет свою специфику. В искусстве особенно сложно выявить социальную значимость результата с точки зрения его разрушительности или созидательности в силу субъективности художественного творчества, так как оценка результата требует индивидуального подхода. Критерии оценки качества произведения искусства связаны с его функциями. Традиционными основными функциями искусства являются следующие: эстетическая, призванная удовлетворять потребность социального субъекта в красоте; воспитательная, образовательная и функция социализации, формирующие личность; активно-преобразовательная, обуславливающая характер эстетического воздействия человека на мир посредством всех форм его жизнедеятельности; аксиологическая, выражающая ответственность любого направления и произведения искусства за то, к чему оно приближает человека – к прекрасному или безобразному. Познавательная функция присуща искусству, но не входит в зону его ответственности, выступая своего рода побочным эффектом этой сферы жизнедеятельности. Многие представители современного искусства связывают смысл своего творчества с познавательной функцией, что в результате деформирует критерии оценки качества художественного произведения. Эта проблема существует в творчестве многих современных художников, «...лишив современное искусство важнейших естественных качеств – эстетической привлекательности и узнаваемости образов... Эстетическая привлекательность... служит лишь отправной точкой, нулем, от которого идет обратный отсчет в сторону антиэстетического» [5, с. 28-31]. Как представляется, во многом негативные тенденции современного художественного творчества связаны с нарушением системности тех функций, которые составляют зону ответственности искусства, а также с тем, что гипертрофируется его вторичная функция – познавательная.

В научном творчестве более определенно можно оценивать степень разрушительности или созидательности результата. Несмотря на то, что личностные моменты и ценностные ориентиры не входят непосредственно в состав порождаемого научного знания, они оказывают влияние на результат научного творчества опосредованно – через этическую составляющую творческого процесса, роль которой особенно велика в современном научно-техническом творчестве, а также посредством феномена веры. Новейшие технологии, созданные на основе новых теоретических идей, затрагивают изменения условий жизнедеятельности социального субъекта, в том числе и нравственно-этические аспекты. В период классической науки теоретические истины воспринимались как нравственно нейтральные, не затрагивающие моральные устои общества. Этика «работала» в науке только как нравственная характеристика личности ученого, индифферентная к теоретическому содержанию его деятельности. На всем протяжении истории развития классической науки ученые, сделав открытие, не думали о том, что они должны нести моральную ответственность за результаты своей деятельности. Для современной науки характерен нарастающий антагонизм между устоявшимися в обществе этическими нормами и внедрением в жизнь достижений науки и техники. На этапе неклассической науки, берущей свое начало с рубежа XIX-XX вв., противоречие между новым и старым разворачивается в диалектику естественного и искусственного. В связи с возросшей технологической силой социального субъекта актуальным становится осознание ученым, что принципиально новая теоретическая идея, воплощаясь в технологии как нечто искусственное, не должна разрывать связи с естественными основами жизни, превращаясь в нечто противоестественное, иначе творчество в современной науке будет носить не созидательный, а разрушительный характер, что напрямую затрагивает нравственные аспекты деятельности ученого не только в плане его личностной характеристики, но и теоретического содержания его исследования. Нравственная нейтральность научной истины оборачивается осознанием, что эта истина может выступать обоюдоострым орудием, используемым как во благо, так и во зло.

Качественное содержание творчества во многом зависит от того, насколько осознанно решается человеком проблема подлинности творческой деятельности. Для современного человека жизненно необходимо понимание того, что подлинно творческая деятельность определяется не механической суммой существенных признаков ее структурных составляющих, а уровнем духовности субъекта-творца и степенью созидательности результата. Ведь от того, какое качество творчества будет преобладающим, зависят судьбы самой цивилизации.

Список литературы

1. **Абрамов А. П.** Концептуальные подходы к изучению личности в контексте научного и философского знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. 2. С. 10-13.
2. **Бердяев Н. А.** Смысл творчества. М.: АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 414 с.
3. **Бердяев Н. А.** Философия свободного духа. М.: АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 416 с.
4. **Бодрийяр Ж.** Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 257 с.
5. **Бондаренко Л. К.** Проблема содержания современного российского искусства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 4. С. 28-31.
6. **Булгаков С. Н.** Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
7. **Галич А. И.** Картина человека. СПб.: Тип. Академии наук, 1834. 677 с.
8. **Делез Ж., Гваттари Ф.** Что такое философия? М.: АЛІЕТЕЙЯ, 1998. 286 с.

9. Коваленко В. А. Творчество как ценность. Философия природы. М.: Наука, 2005. 278 с.
10. Кутырев В. А. Осторожно, творчество! // Вопросы философии. 1994. № 7-8.
11. Маслобоева О. Д. Российский органицизм и космизм XIX-XX вв.: эволюция и актуальность: монография. М.: АПК и ППРО, 2007. Ч. I-III. 296 с.
12. Одоевский В. Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. Русские ночи; Статьи. 365 с.
13. Осипов Ю. М. Творчество // Философия хозяйства. 2009. № 1. С. 269-273.
14. Прайд В. Интеллект как фактор эволюционного развития // Прайд В., Коротаев А. В. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 320 с.
15. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983. 560 с.
16. Сафронов И. А. Философская антропология // Философия науки. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2006. 227 с.

CREATIVE ACTIVITY AUTHENTICITY PROBLEM IN MODERN CULTURE

Zinchenko Irina Sergeevna

St. Petersburg University of Economics and Finance

irizy@yandex.ru

The author discusses the problem of creative activity authenticity, reveals the features of modern creative activity: globalization, constructivism, the substantiality of creative work subject, the projective nature of creative process; analyzes the attributes of creative work subject, creative result and creative process, reveals the criteria of authentic creative work in modern culture: spirituality and creativity; and shows the specificity of these criteria application in modern artistic and scientific creative work.

Key words and phrases: creative activity; criteria of creative activity authenticity; spirituality; creativity; globalization; constructivism; substantiality of creative work subject; projective nature of creative process.

УДК 94(47).082

Исторические науки и археология

В статье раскрыты особенности подготовки моряков торгового флота Российской империи в дореформенный период. Особое внимание автор акцентирует на истории становления, организации деятельности, программах обучения воспитанников Кронштадтской роты торгового мореплавания. Выявлены основные проблемные моменты, возникшие в период функционирования училища. Делается общий вывод о существовавшей необходимости реформирования всех мореходных учебных заведений Российской империи.

Ключевые слова и фразы: мореходное учебное заведение; рота торгового мореплавания; воспитанники; торговый флот; программа преподавания; судоводители.

Зуев Андрей Вячеславович, к.и.н.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

univerandrey@mail.ru

ПОДГОТОВКА МОРЯКОВ ТОРГОВОГО ФЛОТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД®

История мореходства в нашей стране уходит своими корнями вглубь веков. Однако споры вокруг начала мореплавания на Руси продолжаются по сей день. При этом большинство трудов по истории русского флота начинают свое изложение с событий второй половины IX века с «призвания варягов». По мнению советского историка В. В. Мавродина, такой подход означает, что история мореходства на Руси начинается «где-то с середины книги» [4, с. 2]. При этом достоверных сведений о морских учебных заведениях, в которых бы готовили квалифицированных судоводителей в допетровский период развития государства, нет.

Одним из первых учебных заведений, которое готовило моряков торгового флота в Российской империи, стало Санкт-Петербургское водоходное училище. Оно было учреждено в 1786 году и предполагало весьма широкую программу преподавания. В училище проходило изучение таких предметов как география, морские карты, геометрия, тригонометрия плоская и сферическая, навигация, астрономия, краткие понятия о морском праве, бухгалтерия, немецкий и английский языки. Тридцать воспитанников было определено содержать за казенный счет с тем, чтобы «завести со временем своих учителей в училище». Само училище просуществовало около десяти лет. В 1797 году вышло распоряжение, «чтобы в школу учеников более не принимать, а остальных распределить по способностям в канцелярское звание и в звание учителя народных школ» [8, д. 602, л. 3–4].

В 1808 году высочайшим рескриптом на имя министра коммерции графа Румянцева в Санкт-Петербурге при городской верфи была вновь учреждена мореплавательная школа с судостроительным отделением.